Пояс мочить не стоило — толстая бычья кожа будет сохнуть долго. А килт следовало полоскать, как и самого Баки. Долго и упорно. Хорошо, что друид нашёл это озеро. Фыркнув, Баки оставил свой пояс с перевязью для ножа и опустевшей сумой на росистой траве, неся размотанную ткань килта с собой, к воде. После решил отмочить и повязку на культе, потому как чувствовалось, как крепко она присохла из-за выступавшей сукровицы.

Зашёл в воду совсем рядом с утонувшим в его рубахе друидом и едва не упал лицом вперёд: дно лесного озера оказалось обманчиво мягким, топким и скользким. Ил просел под его весом, и Баки увяз в нём почти до середины икры. Хорошо хоть, не стало засасывать дальше. Потому что плавать, как оказалось, с непривычки с одной рукой и едва двигающимся обрубком, было невозможно. Несподручно. И Баки не стал пытаться. Вытянув ногу, уже осторожнее зашёл глубже, до самых ягодиц, и принялся тереть себя своим же килтом, надеясь сделать два дела одновременно.

На друида он и не смотрел. Но тот смотрел на него — взгляд в спину Баки чувствовал нутром, вколоченное в него Броком с малолетства умение работало без его ведома. И мальчишка торопливо рассматривал его, не боясь встретиться взглядами. И Баки знал, что было на что посмотреть. Он был широк в плечах, как медведь, и столь же силён. Даже одна его рука была, как обе ноги у друида, и шрамы украшали его бока и спину. Каждый свой шрам Баки носил с гордостью, как доказательство того, чего он стоит как воин и охотник, как доказательство того, что он выжил. И даже то, что отсечена вязь рисунков рода и клана на руке, и то, что он теперь безрукий воин, достойно было радости и похвалы богам. Он жив, а дальше он разберётся, что ему делать. Баки знал.

Он выжал килт, как смог, и выкинул его на берег, в сочную зелёную траву. Пора было приняться за культю. Повязка отмокала долго, и он даже начал замерзать в озёрной воде, но зато ткань отошла почти без боли. Холодная волна обняла ноющую конечность, убаюкала зуд в ледяных струях. Но Баки не мог смотреть спокойно на то, как затягивается страшная рана — сжал до скрипа зубы с досады, сморгнул муть с глаз. Не было признаков гнили, но и до полного заживления было далеко. Покрывшееся коркой прижжённое мясо, перетянутое чуть выше кожаным пояском, да белеющий обломок кости — вот и всё, что осталось от его руки.

Выполоскав волосы и ткань, Баки кособоко погрёб к берегу. Он едва чувствовал пальцы ног, а мошонка с членом, кажется, совсем вжались в подбрюшие. И если ему, тренированному воину, так давался холод, как же перетерпел его друид? В нём и жира не было ни капли, считай, кости, внутренности да кожа натянута поверх всего. Баки поднял на него взгляд — и тот быстро отвёл глаза, принимаясь рассматривать плавающие на воде листья. А губы до сих пор синющие. Баки покачал головой. Больше тряпок у него не было. Не было ни тёплых мехов, ни плаща, что оторвался от плечевых блях в бою. Если бы у Баки было хоть что-то, он бы отдал. Ему самому всё равно не надо.

Он обтёрся выжатой тряпицей как мог, подобрал килт и снял с берёзы ничуть не высохшую хламиду друида.

— Пойдём к огню, — сказал, даже не думая, что тот как-то отреагирует. Но мальчишка вздрогнул, вдруг наклонил голову ниже и попытался стянуть с себя рубаху. — Пойдём к огню на поляну. Оставь рубаху себе. Если замёрзнешь и умрёшь, я даже не знаю, как тебя хоронить.

Сжечь? Или закопать? Или так же, как ты тех — зверью отдать? Хоть полслова сказал бы, а то молчишь рыбой.

Баки видел краем глаза, как друид замер. Видел, как металось внутри него решение, как тяжело далось. Он оставил рубаху на себе, словно решаясь на что-то отвратительное, но необходимое. Снова упёрто сжал губы — прямо как ночью. И медленно поплёлся за ним, глядя строго вниз, себе под ноги, и обхватив свои же плечи руками. Его ещё било дрожью, но уже не так сильно.

Огонь, подумал Баки. Большой яркий костёр, чтобы от друида дым пошёл. Чтобы выгнал колотун из-под кожи.

Его счастливая рубаха — лишённая рукава, запятнанная своей и чужой кровью, пропахшая ядрёным потом — доставала мальчишке до самых колен.

http://erolate.com/book/3459/83609